

ЧАСТЬ 1 / ▲

Глава 1

Ева сидела у открытого окна и смотрела, как с тихим шорохом опадают на подоконник пионовые лепестки.

Она уже, наверное, не меньше часа сидела вот так, почти неподвижно, а ей все не надоедало. Один цветок еще не раскрылся, а на другом лепестков почти не осталось: все они как тень лежали вокруг синей вазы. Но облетевший цветок казался Еве даже красивее, чем бутон. К тому же каждый новый лепесток обрывался совершенно неожиданно, как будто это происходило на свете впервые и поэтому не могло надоесть.

Ваза тоже казалась Еве необыкновенно красивой, несмотря на отбитый край и стершийся от старости золотой ободок. Зато эта ваза была такого удивительного кобальтового цвета, какого сейчас уже просто не бывает.

Конечно, надо было бы заниматься совсем не этим, и Ева вовсе не собиралась провести воскресный вечер в бессмысленном созерцании пионового букета. Надо было, например, проверить тетради с последними в этом году сочинениями, которые тремя высокими стопками лежали у нее на столе, или сделать еще что-нибудь необходимое. Но час назад, уже открыв верхнюю тетрадь, она услышала этот странный тихий шорох — и вот сидела теперь в поздних майских сумерках у окна, подперев рукой подбородок, и смотрела на облетающие цветы.

— Ева, темно же, почему ты свет не зажигаешь?

Она вздрогнула. Привыкла за это время только к одной неожиданности — к тому, как отрывается от венчика каждый новый, винного цвета, лепесток, — и мамин голос прозвучал поэтому странно. Мама была еще в прихожей, но она ведь слышала Еву даже через стены, поэтому, конечно, догадалась, что та дома, несмотря на выключенный свет.

— Глаза устали, мам, — ответила Ева, быстро смахивая на пол лепестки. — Сейчас включу.

Ей не хотелось объяснять маме, как она провела целый час. Не потому, что та не поняла бы, а просто чтобы не тревожить ее понапрасну. Ева всегда замечала, как легкий и тщательно скрываемый испуг мелькал в маминых глазах, когда та слышала от нее что-нибудь... Что-нибудь такое!

Это с самого детства было так, она даже не могла вспомнить, когда заметила мамин испуг впервые — наверное, слишком маленькая была, чтобы запоминать. Но этот испуг повторялся часто — до тех пор, пока Ева не научилась сдерживать себя. Или хотя бы свои слова.

Она села за письменный стол, включила лампу и придвинула к себе все ту же первую тетрадку с сочинением. Впрочем, обмануть маму было почти невозможно, поэтому Ева особенно и не старалась.

— И тетрадки совсем не проверяла. — Это было первое, что сказала Надя, войдя в комнату. — Промечтала, просидела, так ведь, да?

— Ну, промечтала, — засмеялась Ева. — Сумерки, мам... Сумерничала! Я сумерки ведь люблю, ты же знаешь. «Не мерещится ль вам иногда, когда сумерки ходят по дому, тут же возле иная среда, где живем мы совсем по-другому?» — улыбаясь, произнесла она.

— А дальше? — спросила мама, остановившись посередине комнаты.

— «И движеньем спугнуть этот миг мы боимся или словом нарушить, точно ухом кто возле приник, заставляя далекое слушать», — продолжила Ева, невольно подчиняясь маминой вопросительно-спокойной, но твердой интонации, хотя минуту назад вовсе не вспоминала эти стихи и уж тем более не собиралась читать их вслух.

Впрочем, читать стихи для нее было так же естественно, как дышать, а мамы стесняться не приходилось.

— Ты одна приехала? — спросила Ева, снова безуспешно пытаясь сосредоточиться на сочинении. — А папа, а Полинка?

— Папа завтра вернется. — Мама уже вышла из ком-

наты и поэтому говорила громко, шурша на кухне какими-то пакетами; хлопнула дверца холодильника. — Не хотел меня на электричке отпускать, но они с дядей Лешей Красниковым еще раз на рыбалку завтра хотят сходить. Сегодня утром так у них клевало хорошо — разохотился. — Даже издалека, через коридор, Ева слышала улыбку в мамином голосе — почувствовала по тому, как изменились интонации. — А Полина сказала, еще на неделю останется порисовать. Погода, говорит, хорошая, по вечерам туман, жалко такие дни растерять.

Ева улыбнулась, услышав, как спокойно мама говорит о том, что сестра неделю одна будет жить в Кратове. Ее-то она едва ли оставила бы одну на даче, а Полинку — пожалуйста. Хотя Еве уже тридцать два — возраст, в котором говорить даже смешно о материнской опеке, — а Полинке всего семнадцать. Но так тоже было всегда, и к этому Ева тоже привыкла.

Мама меньше волновалась, когда трехлетняя Полина играла во дворе без взрослых, чем когда восемнадцатилетняя Ева выходила пройтись вечером одна.

Но чутье на все, что касалось детей, у Нади было безошибочное, и раз она не беспокоилась за свою младшую дочь, значит, действительно можно было не беспокоиться.

— Бросай-ка свои тетрадки, — сказала она, снова появляясь в дверях. — Ты, милая моя, смотрю, два дня и не ела ничего! Холодник нетронутый стоит, пирог с краю только пощипала. Нельзя же так, Ева! — В ее голосе мелькнула какая-то вопросительная укоризна. — Святым духом, что ли, собираешься прожить?

— Да мне лень просто было, — улыбнулась Ева. — Ну, мам, не сердись! Яйцо варить, зелень резать... За сметаной еще идти для холодника для этого — зачем?

— Я и говорю: как ты будешь жить? — покачала головой мама.

— Почему — буду? Я и теперь уже живу.

Ева снова отодвинула тетрадки, выключила свет и пошла вслед за мамой на кухню, откуда уже доносился запах свежей зелени, порезанной для холодного борща. То, что ей представлялось довольно бессмысленным заня-

тием, мама сделала за минуту, даже не заметив, что вообще что-то делает.

Любая другая мама непременно продолжила бы рассуждения о том, как должна и как не должна жить ее взрослая дочь. Но Надя тем и отличалась от «любой другой», что никогда не давала Еве длинных и бесполезных житейских советов. Просто любила.

Они молча ели холодный борщ. Ева вдруг вспомнила: совсем маленькой она любила смотреть, как готовит холодник черниговская бабушка Поля. Вернее, даже не как готовит, а как в последнюю минуту кладет в кастрюлю капельку лимонной кислоты — и свекольный отвар сразу перестает быть бурым, делается ярко-алым, и тут же настроение становится праздничным, как будто вот-вот придут гости. Гости приходили часто — родственники, или друзья, или соседи, — так что радостное предчувствие редко обманывало Еву в детстве.

Даже сейчас она улыбнулась, доедая последнюю ложку, — только оттого, что вспомнила ту давнюю радость. Хотя давно уже жизнь не обещала особенного праздника, да Ева его и не ждала, и, что самое удивительное, совсем от этого не печалилась.

— Да, мам, Юра звонил! — вспомнила она. — Вчера еще.

Она и забыла-то о Юрином звонке только на те несколько минут, когда разговаривала с мамой. А так — звонок брата как раз и был причиной ее рассеянной сосредоточенности на опадающих лепестках.

— Отпуск взял? — обрадованно спросила мама. — Когда приедет?

Ева помедлила, не зная, как сообщить неприятную новость.

— Да он, знаешь... — наконец произнесла она неопределенным тоном. — Он, может быть, не сразу приедет... С отпуском пока проблемы, там у них учения какие-то будут. На флоте, что ли, — ему надо быть. Он еще сам точно не знает! — поспешила она добавить, заметив, как переменялось мамино лицо.

— У него случилось что-нибудь? — спросила Надя; тревога в ее голосе и взгляде была теперь совершенно

определенной и отчетливой. — Что он тебе еще сказал, почему ты мне не говоришь? Он здоров?

Конечно, не стоило ей осторожничать. У Юры не такая работа, чтобы недоговоренность могла успокоить маму. Лучше уж знать не очень радостную правду, чем домысливать всякие ужасы.

— Да ничего страшного, вот честное слово! — успокаивающим тоном сказала Ева. — Здоров, все нормально, и голос веселый... Кажется, — добавила она, вспомнив краткость Юриных фраз, из-за которой даже она не могла угадать его настроение. — Ну да, вряд ли отпуск будет, он скорее всего вообще летом не придет. Но это же МЧС, все равно что военные, мам, не в первый же раз!

— Не в первый. — Мама уже справилась с волнением, и ее голос звучал теперь спокойно. — Второй год без отпуска — это как? И зря вы с ним меня уговариваете, все я понимаю. Если опять в этом году не придет, я на следующей неделе сама к нему полечу.

Мамины реакции всегда удивляли Еву. Действительно, ничего необычного нет в том, что Юра два года не был дома. Ничего необычного — если учитывать его работу в сахалинском отряде Министерства по чрезвычайным ситуациям, и его характер, и расстояние между Москвой и Сахалином.

Любая другая мама вздохнула бы, погоревала, смирилась и скорее всего просто стала бы ждать, когда ее взрослый сын найдет в своей далекой неведомой жизни время, чтобы проведать родных. Так, наверное, и надо было бы себя вести, особенно в то лето, когда младшая дочка поступает в институт.

Но Надя из всего делала собственные выводы, и полсуток лету до Сахалина едва ли представлялись ей более существенным препятствием, чем, например, сорок минут езды в электричке.

И это при той ее сдержанности, которая даже Еве, чувствовавшей маму лучше других, иногда казалась странной! Надя никогда не была с детьми открыто хлопотлива и никогда не демонстрировала желания вмешаться в их жизнь; да с Юрой это было бы и невозможно. Но необходимость лететь на Сахалин — так некстати и без всяких

видимых причин для беспокойства, — судя по всему, не вызывала у нее и тени сомнения.

Больше они на эту тему не говорили.

Ева убрала тарелки, вытерла стол.

— Сделать что-нибудь, мам? — спросила она.

— Ничего, — пожала плечами Надя. — Иди уж, сочинения ведь не проверила? Что ты смеешься? — спросила она, заметив улыбку, мимолетно скользнувшую в уголках дочкиных губ.

— Да удивляюсь: ты-то откуда знаешь? — объяснила Ева. — Сейчас сяду и все проверю.

Не то чтобы она была безответственна... Хотя, впрочем, Ева и не знала, как называется ее отношение к жизни. Вот Юра, тот точно ответственный, в этом и сомнений нет. А она... Нет, тетрадки, конечно, всегда проверяет вовремя. Но как-то слишком чувствует все настроения, которые невидимым облаком окутывают ее жизнь, — так, наверное.

Даже настроения ее десятиклассников. А им, конечно, за неделю до конца учебного года совсем не до сочинений, и ни одно юное сердце не трепещет: что-то скажет учительница о его торопливых размышлизмах на отвлеченные темы? Потому ей и неохота проверять тетрадки.

Прежде чем снова сесть за стол, Ева наклонилась, собрала с пола увядшие лепестки и бросила в открытое окно. Легкие, они долго кружились в воздухе — пятый этаж, четвертый, второй... И наконец растворились в вечерней полутьме.

Глава 2

Неизвестно, кому казалась длиннее последняя перед каникулами неделя, Еве или ее ученикам. Им-то хотя бы понятно, почему было не до учебы. В конце мая установилась теплая погода, и зелень стала по-летнему густой, и уже можно было купаться — хоть бултыхаться в грязных

московских речках, хоть ехать на целый день в Серебряный Бор или на Рублевские пляжи.

Но ведь Ева совсем не испытывала того счастливого нетерпения, которое испытывали ее детки. Да она, кажется, не испытывала его и раньше, когда сама училась в школе — в этой же самой школе на Маяковке, во дворе гостиницы «Пекин». Или просто забыла? Память у нее вообще-то была хорошая, учительская: стихи, например, она запоминала мгновенно и в любых количествах. Но прошлое, настоящее и даже, ей иногда казалось, будущее сливались для Евы в такой единый и трепетный круговорот, что ей трудно бывало вспомнить какое-то определенное событие да еще связать его с тем или иным временем своей жизни. Может быть, она и торопила свое собственное время когда-то в детстве, да теперь забыла.

А теперь она просто чувствовала общее томительное ожидание, от которого, казалось, плавился асфальт в школьном дворе, — и тоже торопила дни.

В понедельник утром, только что умывшись, Ева причесывалась перед зеркалом в ванной, а мама жарила гренки на кухне. Дверь в ванную была открыта, и Ева слышала, как шкворчит масло на сковородке и как мама вполголоса напевает: «В саду гуляла, квиты збырала, кого любила — причорovala...»

— Мама! — позвала она, вытаскивая шпильки из волос и глядя в зеркало, как освобожденные пряди падают ей на плечи.

Волосы у Евы были светло-русые — то есть самого неопределенного и невыразительного цвета: ни яркая блондинка, ни эффектная шатенка. А в сочетании со светло-серыми глазами — вообще... К тому же волосы были хоть и густые, но слишком тонкие и совершенно не поддавались никакой прическе: рассыпались даже под умелыми парикмахерскими пальцами. Поэтому Ева просто собирала их в большой низкий узел на затылке и закалывала шпильками, как у бабы Поли на старой фотографии. Так они, по крайней мере, казались немного темнее и выразительнее.

Вот у мамы волосы были совсем другие — чудесного каштанового цвета и необыкновенной густоты. Это чув-

становалось даже при недлинной стрижке, которую она носила всегда, сколько помнила Ева.

Только на школьных фотографиях мама была снята с длинными косами, уложенными вокруг головы. Такая прелестная маленькая девушка с карими глазами, серьезными и веселыми одновременно.

— Мам, — повторила Ева, — а знаешь, как меня в школе называют?

Песенка на кухне прервалась.

— Как? — спросила Надя.

— Капитанская Дочка.

Ева положила расческу на подзеркальник и, не заколов волос, вышла из ванной.

— Почему? — удивленно спросила мама.

— Не знаю. Из-за фамилии, наверное, почему же еще?

— А! — улыбнулась Надя. — В самом деле, а мне и в голову никогда не приходило.

— Это если полностью, — объяснила Ева. — А так, на каждый день, — просто Дочка.

— Это что же, они тебя прямо в глаза так и называют? — поинтересовалась мама. — Ужас просто, как козу какую-нибудь, честное слово!

— Нет, ну что я, совсем уже... За глаза, конечно.

— А что, я бы не удивилась, — усмехнулась Надя. — Я еще удивляюсь, что они тебя вообще как учительницу воспринимают. Из класса, например, кого-нибудь выгнать... Представить невозможно, как ты это делаешь!

— А я и не делаю, — улыбнулась Ева. — Я же с маленькими не работаю, а на больших это не действует. Они только рады будут, если их из класса выгнать. Да и вообще, мам, у нас это не принято.

Наверное, она вообще не смогла бы работать ни в какой другой школе. Ева ничуть не обольщалась насчет своих педагогических способностей, да и насчет призвания тоже. Любила читать, хорошо училась, к тому же в гуманитарной спецшколе. Куда пойти, если нет никаких определенных стремлений? Сам собою напрашивался флифак — туда она и поступила.

Даже с репетиторами заниматься не пришлось.

— Она и так прекрасно подготовлена, — сказала бабушка Эмилия. — И вообще, нам просто смешно выбрасывать деньги на Евино поступление в университет.

Слово «нам» бабушка подчеркивала особенно, и даже семнадцатилетняя Ева понимала, почему. Во всей Москве, кажется, не было ни одного института, в котором у Эмилии Яковлевны не работали бы подружки, приятельницы, бывшие однокурсники, одноклассники, их жены и мужья — словом, «коллеги и коллежанки», как она говорила. На филфаке МГУ их было просто полно, а бабушка Эмилия была не из тех, кто играет в объективность, когда речь идет о родственниках.

Она удивилась только, когда Ева сказала, что хочет поступать на русское отделение.

— Все учатся на романо-германском, — возразила было бабушка. — Тем более после спецшколы. Совсем другие перспективы, язык... А после русского — в школе, что ли, ты собираешься работать?

Ева тогда вообще смутно представляла себе будущее. Даже завтрашний день, а уж тем более такое отдаленное, как время окончания университета, в который она ведь еще только собиралась поступать. А на русском отделении она хотела учиться лишь потому, что Толстого любила больше, чем, например, Гёте. Так она и объяснила бабушке, на что та только вздохнула.

— Как знаешь, — сказала она. — Ты взрослая девочка, мое дело — предложить.

Если бы выбирать институт пора было Юре, бабушка Эмилия, конечно, не была бы так спокойна и сутки напролет могла бы его уговаривать «как лучше». Хотя Юру, наоборот, бесполезно было убеждать сделать то, что он не считал нужным делать, а Ева легко поддавалась влияниям.

Но у бабушки имелось на этот счет свое мнение, которое она высказывала без стеснения, — и, наверное, была права.

— Юра — мужчина, — сказала она. — Он должен иметь профессию, иметь судьбу. А Еве надо выйти замуж, и чем скорее, тем лучше. Родит детей и будет учить с ними стихи.

Мама, как обычно, не спорила с бабушкой Эмилией. Если она бывала с ней не согласна, то это всегда становилось понятно не сразу, и не по лицу ее, а только по поступкам. Но в этом случае — с чем можно было спорить? Если бы Ева с детства мечтала, например, стать космонавткой, а бабушка уговаривала бы ее работать поварихой в столовой, — тогда другое дело, тогда мама нашла бы способ не согласиться со свекровью. А так.. Все ведь понятно.

Все было понятно и потом, когда Ева уже училась на филфаке — конечно, вполне прилично училась, иначе ее и не взяли бы на работу в родную школу, несмотря на бабушкины связи. И когда взяли, тоже все было понятно, и выбор был сделан совершенно точно.

Евина школа, которая теперь называлась гимназией, являла собою как раз ту идеальную точку, в которой только и могла работать такая учительница, как Ева Валентиновна Гринева. Это была центральная школа, одна из самых лучших — из тех, в которые попасть человеку со стороны практически невозможно. Но вместе с тем здесь каким-то чудесным образом сумели не создать отвратительную атмосферу общего снобизма, столь присущую подобным заведениям.

Может быть, это произошло просто потому, что у них изучали не престижный английский, а немецкий язык. Английская гимназия находилась всего в трех троллейбусных остановках, но отличалась от Евиной, как небо от земли. А может быть, живая, веселая и молодая доброжелательность, которая чувствовалась даже в шуме школьных коридоров во время перемен, создавалась незаметными усилиями директора Эвергетова — несомненно, культовой фигуры.

Эвергетов любил молодых учителей, особенно своих бывших учеников, которых в школе работало немало; Ева и в этом смысле вписалась в общую картину. С каждым из них он беседовал с тем веселым вниманием, которое всегда светилось в его хитрых глазах, — когда они приходили поступать в первый класс, или сдавать выпускной экзамен по немецкому, или устраиваться на рабо-

ту. Бывшие и нынешние ученики за глаза называли его Мафусаилом, он это знал и только посмеивался.

Еще бы им было не окрестить своего директора именем библейского старца! Эвергетов работал здесь, когда не то что они были первоклашками, но и когда первоклашками были еще их родители. И уже тогда он был директором, и уже тогда, наверное, выглядел так же молодо, как теперь. Что Василий Федорович Эвергетов когда-нибудь не выглядел молодо, а просто был молодым — этого невозможно было себе представить.

В любой другой школе Еву, пожалуй, называли бы не Капитанской Дочкой, а как-нибудь похлеце. И вообще, наверняка она чувствовала бы себя очень неуютно. А здесь детям из интеллигентных семей совершенно чужд был тот дух показной грубости, который в полной мере проявляется в армейской казарме. Если они и посмеивались втихомолку над Евой Валентиновной, то в их насмешках не было злобы.

Ей совершенно не на кого было обижаться, и она не обижалась. Чувство, с которым она жила на свете, ничего общего не имело с обидой.

В школу Ева пришла к началу большой перемены. Времени у нее оставалось достаточно, чтобы подняться в учительскую и взять журнал перед своим уроком. Поэтому она шла почти не торопясь, даже еще остановилась перед входом в арку и прочитала афишу новой выставки в частной картинной галерее, которая располагалась в одном дворе с гимназией.

Группа, выставлявшая картины, называлась «Синяя роза». Читая фамилии художников, Ева размышляла, чего больше в таком названии, желания выделиться или странного очарования.

«Надо Полинку спросить, что это за художники», — подумала она.

— Здравствуйте, Ева Валентиновна! — услышала Ева у себя за спиной и даже вздрогнула от неожиданности, прежде чем обернулась. — А на урок вы не опоздаете?

В двух шагах от нее стоял Артем Клементов, ученик того самого десятого класса, сочинения которого она проверяла вчера.

Фраза была довольно нахальная. Что это такое, в самом деле, указывать учительнице, что ей следует поторопиться! Но голос у Клементова был не нахальный, а вполне спокойный и доброжелательный. Правда, Ева заметила, как одновременно с обращением к ней он отбросил в сторону только что зажженную сигарету. Но, в конце концов, мальчику семнадцать лет, и, сколько ни говори о вреде курения, ничего с ним в этом смысле уже не поделаешь.

— Я успею, Артем, — сказала она, слегка прищуриваясь и вглядываясь в его лицо. — Вы сами не опаздываете, пожалуйста. Что у вас сейчас?

— Не буду, — кивнул он. — История сейчас. А разве я когда-нибудь к вам опаздываю?

— Никогда, — согласилась Ева. — Вы молодец!

— Рад стараться! — улыбнулся он, и опять его разбитная фраза прозвучала необидно и без насмешки. — А почему вы глаза щурите, а очки не носите?

— Ну... — От неожиданности Ева не сразу нашлась с ответом. — У меня вообще-то зрение нормальное. Это просто привычка. Вредная привычка, — уточнила она. — А что, вас это раздражает?

— Ни капельки, — улыбнулся он. — Я просто так спросил. Пришло в голову — и спросил. Нельзя? Или я вас этим обидел?

— Почему, можно, — пожала плечами Ева. — Вы меня несколько не обидели. Как можно обидеть вопросом?

Ей легко было разговаривать с Артемом Клементовым, и она действительно не обиделась.

— А я тогда еще спрошу, можно? — тут же произнес он. — Почему вы вчера Анненского читали восьмиклассникам? То есть не почему, а зачем?

— Ни за чем, — не успев подумать, ответила Ева. — Вернее, я думаю, им это может быть полезно... — тут же спохватилась она. — Конечно, его нет в программе восьмого класса, но ведь его и вообще нет в программе, а я считаю, что совершенно напрасно. Я уверена, что им... И вам тоже это полезно, — повторила она.

И тут же поняла, что говорит неправду. Конечно, она читала восьмиклассникам Анненского только потому,

что любила его стихи и ей хотелось читать их вслух, а совсем не с благородной просветительской целью. И зачем было притворяться?

Ева почувствовала, как щеки у нее розовеют. Ей почему-то показалось, что Артем сразу распознал ее мимолетную ложь. Так оно скорее всего и было, и она ожидала какой-нибудь язвительной реплики. Но вместо этого он снова спросил:

— А почему вы всех на «вы» называете? Даже пятиклассек, когда у них заменяли!

Забыв удивиться его не совсем уместной настойчивости, она ответила:

— А я по-другому не могу. Мне вообще трудно переходить с людьми на «ты». Только, Артем, пожалуйста, больше не спрашивайте, почему. Я не знаю.

— Извините, Ева Валентиновна, — сказал он. — Я вас обидеть и правда совсем не хотел. Мне просто кажется, что это все впустую...

— Но ведь я для себя это делаю, вы правы, — улыбнулась Ева, хотя он никаких догадок на этот счет не высказывал, во всяком случае, вслух. — Вы правы, я люблю Анненского, вот и читаю. И на «вы» мне проще разговаривать, чем на «ты». Поэтому совершенно неважно, какая польза из всего этого получается. Вы не согласны со мной?

— Я с вами согласен, — ответил он, глядя на нее тем прямым, спокойным взглядом, из-за которого любые его слова и не казались нахальными. — Мне это было просто непривычно, и я не понимал... А теперь вы мне объяснили, и я с вами согласен. Извините.

С этими словами он легко кивнул ей — на мгновение Еве показалось, будто он отдал честь на прощание, — повернулся и исчез в высокой арке.

Конечно, он просто не привык к стилю общения Евы Валентиновны, который давно уже никого не удивлял в их гимназии. Клементов учился здесь первый год; переехал в центр откуда-то из спального района. Переезд связан был с какими-то семейными обстоятельствами, то есть с тем, к чему Ева не любила проявлять праздное любопытство.

«Как все-таки у мужчин все по-другому! — вдруг, без всякой связи с разговором, подумала она. — Вот у него глаза светлые, и волосы светлые, совсем как у меня, а получается очень даже красиво. Серебряный цвет, а не серый — так, что ли?»

Впрочем, думать об этом было уже некогда. Ева торопливо вошла в арку и пошла по дорожке к школьному крыльцу.

Расписание в понедельник у нее было очень неудобное. Два урока, потом окно, потом еще урок. Но это же неизбежно, что у кого-то в какой-то день получается не очень удобное расписание. И почему бы не у нее?

Не то чтобы Ева считала себя обязанной приносить жертвы, совсем нет. Просто у нее ведь действительно меньше проблем, чем у других. Да у нее вообще-то и во все нет тех житейских проблем, которые заставляют учительниц дорожить каждой минутой. Мужа нет, детей нет, домой спешить незачем. И если она может себе позволить даже пройтись в хорошую погоду пешком, то какой смысл требовать, чтобы именно ее расписание было самым рациональным? Это даже неловко...

В учительской сидел только историк Денис Баташов. Он проверял «датский диктант» — Ева сразу догадалась, увидев столбик цифр на одинарных листочках.

— Привет, Диня, — сказала она, садясь за стол напротив него. — У тебя разве тоже окно?

— Привет, — ответил он, не поднимая глаз. — Не-а, не окно, сейчас ухажу. Просто неохота дома возиться, нетворческая работа.

Нетворческие виды работ Денис терпеть не мог и всегда старался выдумать для своих учеников что-нибудь интересное. Совсем недавно, например, он показал Еве длинный список специально подобранных цитат и предложил определить: какое время характеризуется каждым из этих высказываний, Средние века или Возрождение? Ева даже удивилась:

— Думаешь, так просто догадаться? Я не могу... По моему, любое, хоть бы и наше. «Не следует так долго смотреть на небо, ибо человек ступает по земле», — прочитала она. — Разве не подходит?

— Ребята мыслят более конкретно, — сказал тогда Денис, забирая у нее листок.

И, конечно, он был прав. Он тоже мыслит конкретно, логично; благодаря ему Ева поняла, что именно так и мыслят мужчины. Что в этом состоит их главное отличие от женщин и что, наверное, так оно и должно быть.

Глава 3

Денис Баташов пришел работать в их школу лет через пять после Евы — то есть уже шесть лет назад — и сразу привлек общее внимание. Конечно, в основном внимание незамужней учительской половины, но не только. Денис был не просто перспективным объектом, каковым является всякий молодой и холостой товарищ в преимущественно женском коллективе, но и вообще интересным мужчиной. На таких женщины заглядываются независимо от собственных перспектив, даже если их личная жизнь вполне устроена.

Впрочем, и тех, и других ожидало скорое разочарование: новый историк был слишком увлечен работой, или, по крайней мере, делал соответствующий вид. Не то чтобы он проявлял какое-то высокомерие по отношению к коллегам, вовсе нет! Он был отличный собеседник, умный и веселый, знал множество анекдотов, увлекался туризмом и играл на гитаре. Но все его разнообразные дарования были направлены исключительно на то, чтобы приятно и с пользой проводить время, а совсем не на завоевание податливых женских сердец. И досугу своих учеников Денис уделял куда больше внимания, чем развлечению молодых учительниц.

Некоторое время это его качество являлось главной темой для обсуждения в учительской, а потом все как-то привыкли.

— В конце концов, девочки, это еще не худший вариант! — такой итог подвела месяца через два черноглазая математичка Галочка Фомина. — Хуже было бы, если бы попался бездушный ловелас и ветреник. Таким, девочки,